

готовка специалистов-палеонтологов. Базирование филиала лаборатории первоначально планировалось, но все это не было реализовано.

Ценность палеонтологических сокровищ Шестаковского яра давно определили томичи, новосибирцы и москвичи, которые, поработав в Шестаково, увезли с собой бесценный, богатейший палеонтологический материал. Во избежание его потерь и для создания собственного палеонтологического центра, необходимо в ближайшем будущем объявить о выделении новой, особо охраняемой, природной территории в Кемеровской области с центром в д. Шестаково и с названием «Шестаковский палеонтологический и археологический природный государственный заказник» (рабочее название) (Калягин, Ефремова, 2002, 2003; Калягин, Ефремова, Баранов, Зубко, 2005).

Границы заповедной зоны должны быть расширены и простираются далеко за пределы Шестаковского яра. Предлагается включить в заповедную территорию на севере – долину речки Серты близ деревень Усть-Серта и Курск-Смоленск, далее сам Шестаковский яр, знаменитые Шестаковские болота, на юге – д. Кураково и ее окрестности. Западная граница будет проходить по реке Кие, а на востоке границу следует определить по холмам, представляющим собой берега древней пресноводной лагуны мелового периода мезозойской эры, где, скорее всего, залегают палеонтологические сокровища, не уступающие по своей значимости таковым в Шестаково-2.

Определение границ будущей охраняемой территории обосновано вышеизложенным обзором, несмотря на то, что в него не были включены ботанические материалы и данные по беспозвоночным животным, которые наверняка содержат массу аргументов в пользу этих границ.

В резолюции межрегиональной научно-практической конференции, посвященной пятилетию организации Тигирекского заповедника (Барнаул, 2005 г.), на которой были представлены материалы о выделении новой, особо охраняемой, природной территории в Кемеровской области (Калягин, Ефремова, Баранов, Зубко, 2005), говорится: «Рекомендовать администрации Кемеровской области рассмотреть вопрос об организации особо охраняемой природной территории со статусом заказника в Верх-Чебулинском районе близ д. Шестаково с целью сохранения для науки цен-

нейших палеонтологических и археологических материалов».

Проблема организации Шестаковского палеонтологического и археологического природного государственного заказника в Кемеровской области, как особо охраняемой природной территории, должна быть решена.

Литература

1. Гагина, Т. Н. Об организации орнитологического заказника в Кузбассе // Тез. докл. V конф. орнитологов Сибири. – Барнаул, 1995. – С. 13 – 14.
2. Горные экосистемы Южной Сибири: изучение, охрана и рациональное природопользование: резолюция межрегиональной науч.-практич. конф., посв. 5-летию организации Тигирекского заповедника. – Степной бюллетень, 2005. – № 18. – С. 54 – 55.
3. Калягин, Ю. С. К вопросу о выделении новой особо охраняемой территории в Кемеровской области // Особо охраняемые территории Алтайского края и сопредельных регионов, тактика сохранения видового разнообразия и генофонда: V Региональная науч.-практич. конф., 18-19 сентября 2002 г. / Ю. С. Калягин, Г. В. Ефремова. – Барнаул, 2002. – С. 29 – 30.
4. Калягин, Ю. С. О необходимости выделения новой особо охраняемой территории в Кемеровской области / Ю. С. Калягин, Г. В. Ефремова // Заповедное дело России: принципы, проблемы, приоритеты: мат. Междунар. науч. конф., посв. 75-летию Жигулевского гос. природн. заповедника им. И. И. Сапрыгина (Жигулевск, Бахилова Поляна, 8 сентября 2003 г.). – Бахилова Поляна, 2003. – Т. 2. – С. 477 – 479.
5. Калягин, Ю. С. Проблема выделения новой, особо охраняемой, территории в Кемеровской области / Ю. С. Калягин, Г. В. Ефремова, Е. Н. Баранов, К. С. Зубко // Горные экосистемы Южной Сибири: изучение, охрана и рациональное природопользование: мат. I Межрегиональной науч.-практич. конф., посвящ. 5-летию организации Тигирекского заповедника. – Барнаул: Алтайские страницы, 2005. – Вып. 1. – С. 45 – 47.
6. Скалон, Н. В. К вопросу создания региональных систем сохранения биологического разнообразия (на примере Кузбасса) / Н. В. Скалон, А. Г. Егоров // Современные проблемы науки и образования. – М.: ИД «Академия естествознания», 2006. – № 6. – С. 9 – 12.

УДК 93(470.4):297

МУСУЛЬМАНЕ СРЕДНЕГО ПОВОЛЖЬЯ В 1940 – 1980-х гг.: СОЦИАЛЬНО-ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ПАРАМЕТРЫ

Л. А. Королева, А. А. Королев

Среднее Поволжье, которое включает Татарстан, Самарскую (Куйбышевскую), Пензенскую и Ульяновскую области, относится к регионам традиционного проживания татарского населения. Та-

тары являются самой крупной мусульманской нацией России.

В советский период истории мусульманский культ в Татарской АССР исповедовало около 45 – 52 % населения, и он являлся основным. В Пен-

зенской, Ульяновской, Самарской (Куйбышевской) областях ислам был второй по численности религией после православия: в Ульяновском регионе татары составляли около 12 % всего населения региона; в Пензенском крае – 5,4%; в Самарской (Куйбышевской) области татары среди национальных меньшинств губернии были третьими после чувашей и мордвы и составляли около 3,5 % всего населения.

Контингент верующих-мусульман был представлен мужчинами и женщинами пожилого и преклонного возраста – от 55 лет и старше, главным образом, крестьянами-колхозниками. Уполномоченный Совета по Пензенской области С. Д. Горбачев отмечал, что «другие слои населения (кустарь-ремесленники, рабочие и интеллигенция) стоят от религиозности как бы в стороне» [1]. Уполномоченному Совету по делам религиозных культов по Татарской АССР постоянно докладывали представители власти с мест: «Религиозные обряды среди татарского населения соблюдают преимущественно старики и старухи, а татарская молодежь подавляющим большинством религиозные обряды не соблюдает» [2]. По сведениям уполномоченного Совета по Ульяновской области С. М. Агафонова, около 70 % мусульман составляли верующие мужчины старше 60 лет [3].

Именно верующие мусульмане мужского пола преклонного возраста, сельчане, являлись главными «проводниками» веры. Верующий с Татарский Шелдаис Пензенской области 80-летний И. Уразгильдяев подчеркивал: «Если мы, старики, не требовали бы от своих младших членов семьи, не настаивали бы на соблюдении религиозных обрядов, последние бы совсем не выполнялись. ...Многие наши молодые колхозники не знали бы времени празднования религиозных праздников, если бы мы, старики, не напоминали бы им об этом» [4]. Секретарь сельсовета с. Большой Труев Пензенской области З. Аббасова честно говорила в беседе с уполномоченным Советом по делам религиозных культов по Пензенской области: «Мы, молодежь, не знаем, когда бывают религиозные праздники, но старшие члены семьи стараются напомнить нам об этом». При разборе зданий мечети в 1946 г. в с. Алееве Пензенской области имели место столкновения верующих-стариков с рабочими, разбиравшими постройки, старики кричали и бросали в рабочих камни [5].

В послевоенные годы отмечалось оживление в деятельности верующих мусульман, что было обусловлено либерализацией государственно-церковных отношений в целом в годы Великой Отечественной войны. Уполномоченный Совета по делам религиозных культов по Пензенской области С. Д. Горбачев подчеркивал: «В деятельности мусульманского духовенства и религиозных обществ ... необходимо отметить некоторое их оживление и активизацию в области расширения своего влияния на окружающее население» [6]. Уполномоченные с мест верно определяли, что практика местных мусульманских общин «направлена, главным обра-

зом, на поддержание религиозных устоев, на регулярное отправление молитвенных собраний, на выполнение всех религиозных обрядов населением, на сбор денежных средств для поддержания в порядке молитвенного здания, на большее вовлечение населения в число верующих и особенно молодежи» [7]. И необходимо отметить, что мусульманские объединения в решении поставленных задач добились значительных успехов. В послевоенный период около 15 – 20 % от всех посещавших мечеть составляли демобилизованные. «Прибывшие из армии более молодые возрасты населения, традиционно соблюдая свое уважение к старшим, и под влиянием их начали посещать мечети», – отмечал уполномоченный Совета по делам религиозных культов по Пензенской области [8]. Под возрастание количества верующих, увеличение жертвоприношений и различного рода финансовых пожертвований после войны была подведена своего рода «идеологическая база» – отдать долг Аллаху, который хранил и помогал верным последователям веры в лихую годину. Посещение демобилизованными мечетей значительно укрепляло авторитет веры и привлекало в храмы молодежь. Данная практика была вскоре прекращена уполномоченными на местах, поскольку все это способствовало значительному подъему религиозности татарского населения.

Результаты социологического исследования, проведенного лабораторией Казанского государственного университета и казанским опорным пунктом Института научного атеизма АОН при ЦК КПСС (г. Казань) в середине 1960-х гг., убедительно доказывают решающее влияние семейного воспитания на религиозность людей. На вопрос: «По какой причине вы стали верующим?» – 75 % опрошенных мужчин ответили, что главную роль сыграло воздействие родителей, родственников; аналогично ответили на данный вопрос 80 % женщин-мусульманок [9].

Тенденция преобладания граждан преклонного возраста среди верующих нашла свое отражение и в составе мечетных «двадцаток». Подавляющее количество членов «двадцаток» являлись малограмотными людьми, с образованием в пределах 4 классов, не судимые ранее, получавшие пенсию, имевшие различные правительственные награды, т. е. люди достаточно уважаемые. В середине 1970-х гг. в «двадцатки» мечетей Пензенской области входило 185 мужчин, из которых 175, т. е. 95 % были в возрасте старше 60 лет [10].

Женщины-татарки по религиозным убеждениям уклонялись от посещения кино, собраний, концертов и т. д. По мнению уполномоченного Совета по Пензенской области, «феодално-байские» обычаи в отношении женщин были очень сильны: «Родители запрещали своим дочерям не только ходить в клуб, участвовать в художественной самодетельности и выполнять общественные поручения, но даже не разрешают выходить одной вечером из дома на улицу, ходить к соседям и своим подругам. Родители разрешают только сходить

вечером на девичьи деревенские посиделки, однако и в этом случае девушку от дома до посиделок и по возвращении домой обязательно сопровождают ее мать или кто-то из ее взрослых родственников» [11]. Даже в середине 1960-х гг. в сельской местности Пензенского региона отмечались случаи, «когда замуж родители выдают свою дочь за молодого человека, которого она и в глаза не видела, и не была до этого знакома, а следовательно, вопреки ее желанию» [12]. Как правило, девушки по окончании школы выбывали из комсомола.

На местах в 1960-е гг. отмечалась тенденция более активного участия молодежи в праздничных молениях. В дни особо почитавшихся религиозных праздников в сельской местности Пензенской и Ульяновской областей наблюдалось посещение мечетей молодыми людьми в возрасте от 17 до 35 лет; среди молившихся молодежь составляла до 20 % [13]. Молодые люди, как беспартийные, так и комсомольцы, и коммунисты, под влиянием авторитета старших родственников и односельчан участвовали в молениях и старались исполнять установленные обряды. С детства верующему внушалось, что мусульманин прежде всего должен исполнять обязанности, которые Аллах предписал человеку, т. е. совершать намаз, соблюдать пост и т. д. В 1966 г. в Казанской мечети на гаид-намазе среди верующих около 20 % составляла молодежь, в Чистопольской мечети количество молодых людей среди молившихся доходило до 30 % [14]; на молении в праздник «Ураза-байрам» в мечетях с. Индерки и Демино Пензенской области присутствовало по 100 мужчин в возрасте до 30 лет; с. Кочалейке и Кобылкино Каменского района Пензенской области были зафиксированы даже подростки [15]. Несмотря на все «победоносные» сводки о снижении уровня религиозности, особо конъюнктурными в данном отношении были сведения из Татарской АССР, сам уполномоченный Совета по делам религий при Совете Министров по Татарской АССР И. А. Михалев вынужден был констатировать в информационной сводке «О влиянии религии на детей и молодежь» (для служебного пользования), что «только по трем видам обрядов: крещение (нарекание имени), венчание (никах), отпевание умерших за 1980 г. в контакт со служителями культов вступало не менее 76 тыс. чел.», имея в виду молодых людей [16]. Уполномоченный Совета по делам религий по Ульяновской области С. М. Агафонов констатировал в отчетах, что в праздничные дни в мечети г. Ульяновска в конце службы дети 6 – 8 лет собирали денежные подаяния от верующих [17].

Семья, продолжение потомства трактовались как фундаментальные ценности ислама. У мусульманина, согласно религиозным канонам, должна быть многочисленная семья, освященная религией и обычаями. В продолжении потомства видится продолжение веры и жизни. Татарские семьи в сельской местности Средне-волжского региона

были многодетны. Тем не менее уполномоченный Совета по делам религий по Пензенской области для себя объяснял это следующим образом: «Многие татарские семьи многодетны только потому, что в этих семьях женщине-татарке по национальным и религиозным обычаям фактически препятствуют использовать данное ей законом право самой решать, нужно ли ей иметь ребенка или прервать беременность» [18]. Средняя величина татарской семьи Поволжья в период 1970 – 1980-х гг. составляла 4–3,7 человека, «значительно отличаясь по величине от семей коренных народов Средней Азии (средний размер 5,7 – 6,6 человека) и несколько превышая семью народов западноевропейской части бывшего СССР (3 – 3,3 человека)» [19].

Мусульманские семьи сравнительно стабильны. Так, уровень разводов в Татарстане в среднем в 1,5–2 раза ниже, чем в среднем в Российской Федерации, на Украине, в Прибалтике. «В наибольшей степени традиционные установки на недопустимость разводов присущи представителям старшего поколения. Фактором, скрепляющим семейно-брачные отношения, является и тесная родственная связь» [20].

Несмотря на предписания ислама и в отличие от других мусульманских народов СССР, ранние браки не были характерны для мусульман Средне-волжского региона. Более того, татары в целом вступали в брак позже остальных народов Поволжья [21]. Татары Среднего Поволжья однозначно выступали за моногамный брак в соответствии с советским законодательством.

Как следствие, татарское население в Поволжье, в отличие от других национальных общностей, стабильно увеличивалось на протяжении всего исследуемого периода. Среди татар рождаемость была в 1,4 раза выше, чем среди русских [22]. В результате динамика национального состава регионов Среднего Поволжья в 1970 – 2000-х гг. менялась следующим образом (по данным переписей населения в процентах от общей численности населения) [23] (табл. 1).

Таким образом, в Среднем Поволжье, которое относится к регионам традиционного влияния ислама, уровень религиозности заметно выше среднего. Контингент мусульман Среднего Поволжья был представлен людьми всех возрастных групп, но в основном преклонных лет, проживавших в сельской местности, занятых в сельскохозяйственном производстве. Именно граждане-пенсионеры мужского пола выступали наиболее активными проводниками веры в Аллаха. В сельской местности религиозность мусульман была, выражена значительно по сравнению с городом. В послевоенный период наблюдался приток верующих за счет демобилизованных солдат.

Таблица 1

Динамика национального состава регионов Среднего Поволжья

Годы	Нации	Татарская АССР	Ульяновская область	Куйбышевская (Самарская) область	Пензенская область
1970	Татары	49.07	9.99	3.41	4.87
	Русские	42.43	76.01	82.76	86.17
1979	Татары	47.65	10.63	3.35	5.18
	Русские	44.00	74.82	83.64	86.48
1989	Татары	48.48	11.39	3.53	5.40
	Русские	43.26	72.83	83.37	86.15
2002	Татары	52.92	12.20	3.95	5.97
	Русские	39.49	72.65	83.60	86.35

Женщины-татарки, по положениям Корана, принимали минимальное участие в общественной жизни своих населенных пунктов. По окончании школы девушки-татарки, как правило, прекращали свое членство в комсомольских организациях.

Применительно к Среднему Поволжью объективно подходит характеристика уполномоченного Совета по делам религиозных культов по Пензенской области С.С. Попова: «... Религиозным движением охвачено более 50 % всех мусульманских населенных пунктов. В отношении роста религиозного движения среди мусульман можно сказать, что он, видимо, еще будет...» [24]. Ценности ислама отвечали обыденным запросам верующих и в принципе способствовали укреплению семьи, ведению здорового образа жизни, формированию трудолюбия и т. д. Татарское население Среднего Поволжья стабильно возрастало и, как следствие, не уменьшалось и количество мусульман-верующих.

Литература

1. Государственный архив Пензенской области (ГАПО) Ф. 2392. Оп. 1. Д. 5. Л. 26.
2. Национальный архив Республики Татарстан (НА РТ) Ф. Р – 872. Оп. 1. Д. 4. Л. 28.
3. Государственный архив Ульяновской области (ГАУО) Ф. Р – 3705. Оп. 1. Д. 84. Л. 14.
4. ГАПО Ф. 148. Оп. 1. Д. 4617. Л. 103.
5. ГАПО Ф. 2392. Оп. 1. Д. 41. Л. 5.
6. ГАПО Ф. 2392. Оп. 1. Д. 1. Л. 104.
7. ГАПО Ф. 2392. Оп. 1. Д. 97. Л. 1.
8. ГАПО Ф. 2392. Оп. 1. Д. 1. Л. 108.
9. Мавлютов, Р. Р. Ислам. – М.: Политиздат, 1969. – С. 152 – 153.
10. ГАПО Ф. 148. Оп. 1. Д. 4617. Л. 103.
11. ГАПО Ф. 2392. Оп. 1. Д. 49. Л. 412.
12. ГАПО Ф. 2392. Оп. 1. Д. 49. Л. 419.
13. ГАПО Ф. 2392. Оп. 1. Д. 1. Л. 52, 108, 162; ГАУО Ф. Р – 3705. Оп. 1. Д. 96. Л. 188.
14. НА РТ Ф. Р – 873. Оп. 1. Д. 11. Л. 212.
15. ГАПО Ф. 2392. Оп. 1. Д. 49. Л. 412.
16. НА РТ Ф. Р – 873. Оп. 1. Д. 105. Л. 40.
17. ГАУО Ф. Р – 3705. Оп. 1. Д. 96. Л. 188.
18. ГАПО Ф. 2392. Оп. 1. Д. 46. Л. 281.
19. Численность и состав населения СССР: по данным Всесоюзной переписи 1979 г. – М., 1984. – С. 288 – 321.
20. Татары. – М.: Наука, 2001. – С. 339.
21. Зорин, Н. В. Русская свадьба в Среднем Поволжье / Н. В. Зорин. – Казань, 1981. – С. 37 – 38; Козлов, В. И. Динамика численности населения / В. И. Козлов. – М., 1969. – С. 122.
22. Татары. – М.: Наука, 2001. – С. 507.
23. Сост. по: Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 года. РСФСР. – М.: Госстатиздат, 1963; Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 года, т. 1 – 7. – М.: Статистика, 1972 – 1974; Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 года: стат. сб.: в 10 т. / Гос. ком. СССР по статистике. Информ.-изд. центр. – М., 1990; Население СССР (численность, состав и движение населения). 1973 год. Статистический сборник. – М.: Статистика, 1975; Основные итоги Всероссийской переписи населения 2002 года. – М., Госкомстат, 2003. <http://www.gks.ru>; Пензенская область в цифрах и фактах. – Саратов: Приволжское кн. изд-во (Пенз. отд-ние), 1987. – С. 6.
24. ГАПО Ф. 2392. Оп. 1. Д. 1. Л. 51.